
А.И.Сизоненко

СССР — Латинская Америка: дипломатические аспекты отношений военных лет

Статья посвящена становлению советско-латиноамериканских отношений в годы Великой Отечественной войны, усилиям и результатам деятельности дипломатии обеих сторон на этом направлении, мощному подъему авторитета СССР в Латинской Америке.

Ключевые слова: СССР, Латинская Америка, дипломатические аспекты, переговоры, встречи в Кремле, нормализация отношений.

Отношения СССР со странами Латинской Америки в годы Великой Отечественной войны — важная составная часть истории советской внешней политики. Примечательно, что из общего числа установленных Кремлем в годы войны отношений половина пришлась именно на эти страны. Не менее показателен и круг задействованных в них с обеих сторон высокопоставленных государственных деятелей, начиная с И.В.Сталина и президентов стран континента. Весьма авторитетным являлся и уровень дипломатических представителей, приступивших к работе в Москве и в столицах латиноамериканских стран. Достаточно, например, сказать, что первыми послами СССР на Кубе (по совместительству) стали М.М.Литвинов и А.А.Громыко.

Героическая борьба Красной Армии и самоотверженный труд советских людей в тылу оказали серьезное влияние на умы и сознание многих латиноамериканских политических, общественных деятелей и дипломатов, работавших в нашей стране в военную пору. Так, посол Мексики в СССР Луис Кинтанилья вспоминал: «Россия показала себя нацией горячих патриотов. Они, русские — славные люди». Красная Армия, по его мнению, «мощная в техническом отношении, оснащенная весьма эффективным оружием»¹. Немало высоких оценок в адрес Красной Армии и советского народа высказывает в своей книге «La Esfinge Roja» («Красный сфинкс», Buenos Aires, 1948) посол Уругвая в Москве в годы войны Эмилио Фругони.

Александр Иванович Сизоненко — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (alsizonenko@yandex.ru).

Аналогичные оценки также содержались в посланиях президентов целого ряда стран Латинской Америки в военные годы в адрес советского руководства².

К началу Великой Отечественной войны СССР и латиноамериканские государства имели во взаимоотношениях «нулевой баланс». Дипломатические связи имелись лишь с Колумбией (1935 г.), однако обмена посольствами не произошло, поэтому можно было говорить о чисто формальном акте. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что в 1940 г. Мексика и Аргентина осудили СССР за войну с Финляндией и выступили за его исключение из Лиги наций. В том же году правительство Мексики расценило присоединение прибалтийских республик к СССР как аннексию³.

Первым откликом в Латинской Америке на гитлеровскую агрессию против нашей страны стали многочисленные массовые митинги и демонстрации солидарности с советским народом, в которых приняли участие представители самых различных слоев населения. Однако вначале со стороны правительств стран континента никакой реакции не последовало. Складывалось впечатление, что они выжидали «кто кого». Лишь министр иностранных дел Мексики Энрике Падилья сделал 24 июня 1941 г. официальное заявление, в котором осудил фашистскую агрессию, расценив ее как «одно из самых трагических нарушений международной этики»⁴. Однако до нормализации в дипломатической сфере между СССР и странами Латинской Америки было еще далеко. Путь к этому лежал не только через массовые проявления солидарности с СССР, но и через вступление латиноамериканских государств в борьбу с Германией, Италией и Японией. В декабре 1941 г. войну этим державам объявили девять государств региона, еще три — Мексика, Венесуэла, Колумбия разорвали с ними дипломатические отношения. Таким образом, все эти страны стали союзниками во Второй мировой войне и будущими членами Организации Объединенных Наций. Затем закономерно последовали первые конкретные шаги: 7 мая 1942 г. президент Мексики Мануэль Авила Камачо подписал распоряжение, согласно которому начал осуществляться экспорт стратегической продукции Мексики в Советский Союз⁵.

Решающее воздействие на правительства стран Латинской Америки в плане нормализации отношений с СССР оказало переломное событие на Восточном фронте, которым стал разгром фашистских войск в Сталинградской битве. Продолжало шириться движение солидарности народных масс Латинской Америки с требованиями наладить дипломатические отношения с СССР. Первой на этом пути инициативу проявила Куба. Почему именно она? С одной стороны, это объяснялось мощной кампанией поддержки кубинским народом Советского Союза. Немаловажным обстоятельством являлось и то, что в состав правительства Кубы тогда входили два коммуниста — Карлос Рафаэль Родригес и Хуан Маринельо, оказывавшие несомненное влияние на внешнюю политику правительства Гаваны. Вместе с тем нельзя недооценивать и тот факт, что Куба входила в

К.А.Уманский выступает на пресс-конференции в Мехико, июнь 1943 г.

число упомянутой выше девятки, которые в декабре 1941 г. объявили войну державам «оси» Берлин — Рим — Токио.

17 октября 1942 г. в результате состоявшихся в Вашингтоне переговоров между послами СССР в США — М.Литвиновым и Кубы — Аурелио Фернандесом Кончесо отношения были установлены. «Россия, — заявил министр иностранных дел Кубы Хосе Агустин Мартинес, — сражается на передовых позициях в этой кровопролитной борьбе. Русскому народу выпала тяжелая, но почетная миссия; его героизм и самоотверженность спасли мир от глобальной катастрофы. Поэтому вполне понятно, что Куба устанавливает с Россией отношения в духе мира и сердечности»⁶.

Переговоры об установлении отношений с другими странами региона в 1942—1945 гг. велись через советское посольство в Вашингтоне, где на первоначальном этапе (1942-й — начало 1943 гг.) решающая роль принадлежала Максиму Максимовичу Литвинову, одному из лучших советских дипломатов того времени. Он и был назначен первым нашим послом на Кубе (по совместительству), 9 апреля 1943 г. он вручил президенту этой страны верительные грамоты. Встречали его там с большим почетом на всех уровнях. От имени Национального антифашистского центра представителю Москвы передали чек на 25 тыс. песо в фонд помощи Красной Армии. Максим Максимович посетил военную школу в Гаване, где в его честь состоялся парад, также он побывал на нескольких предприятиях, где беседовал с рабочими⁷.

10—12 ноября 1942 г. Мексика и СССР обменялись нотами о восстановлении дипломатических отношений, прерванных в 1930 г. Подчеркнем,

что и Куба, и Мексика предложили нормализовать их еще до завершения Сталинградской битвы и начала коренного перелома в войне.

И в Мексику послом СССР был назначен видный советский дипломат Константин Александрович Уманский. Он был незаурядной личностью: в 20-х годах — корреспондент ТАСС в Западной Европе, затем — заведующий отделом печати НКВД, с 1936 г. — советник посольства СССР в Вашингтоне, в 1939—1941 гг. — посол СССР в США. Сталин знал Уманского лично — тот не раз переводил его беседы с иностранными гостями. Уманский хорошо представлял себе обстановку на американском континенте, был знаком со многими дипломатами из Латинской Америки⁸.

Луис Кинтанилья

Среди друзей Уманского был и известный под именем Пабло Неруды чилийский поэт Нефтали Рикардо Рейес Басоальто, находившийся тогда в Мексике на дипломатической службе. На одном из собраний в Мехико в конце января 1943 г. Неруда прочитал собравшимся свою знаменитую «Песнь о Сталинграде». Экземпляр этого произведения поэт вручил Комитету помощи России с тем, чтобы все доходы от ее публикации были переданы в фонд помощи Красной Армии и гражданскому населению Советского Союза.

27 января 1943 г. по предложению уругвайской стороны были восстановлены дипломатические отношения между Уругваем и СССР.

Осознавая важность этих дипломатических актов, правительства Кубы, Мексики и Уругвая назначили посланниками в Москву известных в своих странах деятелей. От Гаваны им стал посланник Кубы в США А. Кончесо (в Москве посланник по совместительству), Мексику представлял Л. Кинтанилья. «Один из наиболее умных и заслуженных дипломатов, которых имела Мексика, философ и автор книг по международным проблемам... учился в лучших образовательных центрах Франции, преподавал в Сорбонне и университетах Джона Гопкинса и Гарварде», — так писал о Кинтанилье мексиканский историк Эктор Карденас⁹. Э. Фругони, поэт*, юрист, преподаватель, журналист — таков был облик уругвайского дипломата.

Прибывшие в СССР весной 1943 г. оба дипломата попросили Сталина об аудиенции. Глава советского правительства, несмотря на огромную за-

⁸ В 1944 г. в испанском издании журнала «Иностранная литература» было напечатано его стихотворение, посвященное русской женщине.

нятость, принял их в Кремле: 20 апреля — Кинтанилью и 28 мая — Кончесо. Как представляется, во втором случае Сталин отдавал должное тому, что Куба первой среди латиноамериканских государств предложила Советскому Союзу нормализовать отношения в то труднейшее для нашей страны время.

Что касается Мексики, то советский лидер, несомненно, учитывал большую, если не первенствующую, роль, которую играла тогда Мексика в латиноамериканском мире и в антифашистской борьбе. Свой вклад в эту борьбу вносили и сотни тысяч мексиканских рабочих, трудившихся в оборонной промышленности США. Кроме того, Кинтанилье было поручено передать Сталину личное послание от президента М.Авилы Камачо, что давало повод просить главу советского правительства о встрече.

Вот как описывал Кинтанилья это событие в письме своему президенту: «Встреча началась в половине двенадцатого ночи и продолжалась до четверти второго (т.е. длилась целые — 1 час. 45 мин.! — А.С.), на ней присутствовал комиссар иностранных дел Молотов. Сталин дружески поблагодарил за Ваше послание... Считаю исключительно важными отношения наших стран. Я также рад подчеркнуть искреннюю сердечность и продолжительность визита. Отмечая значимость этого акта, должен заметить, что я был первым латиноамериканцем и одним из немногих представителей дипкорпуса, принятых Сталиным»¹⁰. Но это была не единственная их встреча. 6 января 1945 г. после завершения миссии мексиканского дипломата в СССР Сталин вновь принял его в Кремле. Кинтанилья сообщал в свой МИД, что прием, длившийся более часа, прошел «в обстановке исключительной сердечности». Круг затронутых вопросов был весьма широк: это и двусторонние отношения, и перспективы развития связей в послевоенный период, особенно в области торговли, и международные проблемы, в частности, профашистская политика тогдашних правителей Аргентины. Кинтанилья поставил вопрос о налаживании после войны судоходной линии между Веракрусом и Ленинградом, о покупке Мексикой советских сельскохозяйственных машин в обмен на свои товары. Сталин подтвердил, что Советский Союз располагал возможностями продавать Мексике такие машины: «Мы имеем крупные заводы сельскохозяйственного машиностроения. Со своей стороны мы готовы покупать в Мексике тропические фрукты»¹¹. В конце встречи Сталин подарил мексиканцу свою фотографию с дарственной надписью: «Господину Л.Кинтанилье. На добрую память. И.Сталин». Это фото я видел на письменном столе в доме Кинтанильи.

Новым послом Мексики в СССР в начале 1945 г. был назначен видный политический деятель Нарсисо Бассольс. Юрист по образованию, неоднократно занимавший министерские посты, посол в Лондоне и Париже, представитель Мексики в Лиге наций, антифашист по убеждениям, дружески относившийся к Советскому Союзу — таков более чем убедительный портрет этого человека.

Тем временем процесс советско-латиноамериканского сближения продолжался. В 1943 г. по предложению Колумбии и Уругвая СССР установил с ними дипломатические отношения. На континенте продолжало шириться массовое движение солидарности с Советским Союзом. Большинство стран региона объявили войну «державам оси».

Обе стороны, советская и латиноамериканская, устанавливая дипломатические отношения, не ограничивались их провозглашением. Помимо Мексики и Кубы, послами СССР в Колумбию и Уругвай в 1943 г. были назначены соответственно Григорий Федорович Резанов и Сергей Алексеевич Орлов. В том же 1943 г. правительства СССР и Мексики, желая поднять статус своих представительств, повысили их до уровня посольств, а посланников — до ранга послов. В следующем 1944 г. были установлены дипломатические отношения СССР с Коста-Рикой (куда послом по совместительству был назначен К.А. Уманский), Никарагуа и Чили. Таким образом, в 1944 г. окончательно оформляется самостоятельное направление советской внешней политики, и, принимая во внимание этот факт, в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР создается отдел латиноамериканских стран. Первым его заведующим стал Константин Александрович Михайлов. К тому времени ему было 40 лет. В 1929 г. Михайлов закончил Московский институт востоковедения, позднее — аспирантуру Коммунистического университета трудящихся Востока, затем преподавал политэкономии. В 1937 г. он был направлен на работу в НКВД, а оттуда — полпредом в Афганистан. В 1943—1944 гг. работал послом в Иране, в том числе и во время Тегеранской конференции. Латиноамериканским отделом Михайлов руководил до 1947 г.

Наши послы проявляли заметную активность в своей работе. В особенности это касалось Уманского. Большой круг знакомств во всех кругах местного общества, тесные контакты с ведущими политическими деятелями страны, регулярные выступления в разных аудиториях, и все это помноженное на широкую эрудицию, авторитет в правительственных кругах, большой престиж в дипкорпусе — такова была общая характеристика его деятельности в Мексике. Помимо чисто дипломатического таланта, в работе Уманского в полной мере проявился (точнее, возродился) и его журналистский опыт: в Мехико по его инициативе посольство СССР стало издавать ежемесячный бюллетень, материалы которого редактировал лично посол. Как отмечала газета «Excelsior», многие иностранные дипломаты, находившиеся на службе в Мексике в годы войны, «должны признать, что они жили в дипломатическом мире эры Уманского»¹².

Сотрудники посольства Мексики в Москве совершили поездку в Сталинград, посетили танковое училище в Ульяновске. По возвращении на родину Кинтанилья в своих выступлениях и статьях не раз с восхищением отзывался о Советском Союзе и победах его армии. Активно знакомился со всеми сторонами жизни в СССР прибывший в Москву в июне 1944 г. посланник Уругвая Э. Фругони, позднее отразивший свои впечатления в уже упоминавшейся фундаментальной монографии.

Стремительное продвижение Советского Союза к победе способствовало дальнейшему росту его авторитета в Западном полушарии. В первой половине 1945 г. дипломатические отношения с СССР устанавливаются еще шесть стран региона — Доминиканская Республика, Венесуэла, Бразилия, Боливия, Гватемала и Эквадор. Этот факт говорил о стремлении советской стороны к действенному развитию связей с Латинской Америкой. Подтвердилось это, в частности, и во время Ялтинской конференции глав трех держав-союзниц: СССР, США и Великобритании. На одном из ее заседаний, когда был затронут вопрос о членстве латиноамериканских государств в будущей ООН, Сталин заинтересовался ситуацией с Аргентиной. Он заявил, что если на учредительную конференцию ООН пригласят не только страны, объявившие войну Германии, но и присоединившиеся позднее, то странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались»¹³ (имелась в виду Аргентина)*.

Если первые не очень заметные шаги на пути сотрудничества СССР и Латинской Америки на уровне международных организаций были сделаны еще в Лиге Наций в 30-е годы, то начало более широким и разносторонним советско-латиноамериканским контактам было положено на конференции ООН в Сан-Франциско. Советская делегация поставила вопрос о необходимости более внимательного изучения вопроса о приеме Аргентины в ООН, учитывая ее политику в годы войны. США и странам Латинской Америки удалось тогда провести Аргентину в ООН, хотя примечательно, что еще на той же Ялтинской конференции Рузвельт заявлял, что Аргентина не признана в качестве одной из стран, входящих в Объединенные нации из-за ее политики в военные годы¹⁴.

Победа Советского Союза получила самые высокие оценки в различных кругах латиноамериканского общества. Это нашло отражение в поздравлениях глав ряда государств в адрес руководства СССР. А в Москве на парад Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади были приглашены главы действовавших в Москве дипломатических представительств Мексики, Уругвая, Кубы и Колумбии.

Установление дипломатических отношений СССР с Аргентиной, хотя и состоялось спустя год после капитуляции Германии, стало логическим завершением процесса нормализации в целом советско-латиноамериканских контактов в военные годы. Этому, прежде всего, способствовали как радикальные изменения в международной обстановке, так и рост демократического и антифашистского движения в самой Аргентине, одним из проявлений которого можно назвать требования нормализовать отношения с СССР. Уже в конце 1945 — начале 1946 гг. в Монтевидео были проведены неофициальные советско-аргентинские встречи, где стороны зондировали возможности нормализации межгосударственных связей.

Для изучения вопроса об их оформлении и налаживания торговли советская делегация в феврале 1946 г. прибыла в Буэнос-Айрес. Ее руководи-

---

* Аргентина объявила войну Германии менее чем за месяц до ее поражения.

тель К.В.Шевелев был уполномочен вести переговоры и о формализации отношений. В переговорах участвовал и непосредственно Хуан Доминго Перон, который обещал в случае успеха на президентских выборах установить отношения с СССР. (Перон победил в феврале 1946 г.) В ходе одной из встреч он заявил, что «преклоняется перед успехами Советского Союза, восхищен стратегией руководителей Красной Армии в разгроме фашизма»¹⁵. (Интересно отметить, что еще в 1940 г. полковник Перон по заданию Генштаба своей армии изучал военную обстановку в Европе и дал заключение, что не сомневается в поражении Германии во Второй мировой войне.)¹⁶.

6 июня 1946 г. в Буэнос-Айресе руководитель советской делегации и министр иностранных дел Аргентины Хуан Атилио Брамуглиа подписали протокол об установлении дипломатических отношений. Советское руководство, включая Сталина, внимательно следило за ходом этих переговоров. Летом 1946 г. послом в Аргентину был назначен Михаил Григорьевич Сергеев — опытный дипломат, член советских делегаций на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Следовательно, человек, которого советский руководитель наверняка знал лично.

Летом 1946 г. Сталин вызвал в Кремль отъезжавшего к месту назначения Сергеева (что не так уж часто встречалось в практике «хозяина» Кремля). В ходе беседы Сталин отметил, что, судя по донесениям упомянутого выше Шевелева (а это означало, что он внимательно следил за его миссией), «Перон доброжелательно относится к Советскому Союзу и настроен содействовать развитию торговли с СССР»*. Также Сталин подчеркнул «огромные возможности Аргентины в экспорте пшеницы, кукурузы, мяса, отметил нашу заинтересованность во взаимовыгодной торговле с нею»¹⁷. Естественно, что в условиях послевоенных трудностей Советский Союз нуждался во всех этих продуктах, к тому же при угрозе надвигающегося неурожая 1946 г.

31 августа того же года пароход «Академик Крылов» доставил советскую дипломатическую миссию во главе с М.Г.Сергеевым в Буэнос-Айрес. Многотысячная толпа, которая встречала советских дипломатов в порту, торжественный церемониал со стороны официальных властей более чем убедительно свидетельствовали о реакции в стране на нормализацию отношений с СССР. Спустя две недели Сергеев вручил Х.Перону верительные грамоты. Аргентина стала 14-й страной региона, с которой СССР установил дипломатические отношения. Процесс их нормализации, начатый в 1942 г., был завершен. Несомненно, этот фактор стал крупным достижением советской внешней политики и ее дипломатии, во многом способствовал укреплению авторитета нашей страны в Латинской Америке. Вместе

---

* В беседе с автором этих строк в 1991 г. М.Г.Сергеев отозвался о донесениях Шевелева как о «чересчур радужных», что, по его мнению, могло вызвать у Сталина чрезмерные иллюзии в отношении перспектив торговли. К сожалению, добиться широкомасштабного объема торговли с Аргентиной тогда не удалось, помешала начавшаяся «холодная война».

с тем, установлением отношений с СССР государства Латинской Америки расширили свои внешнеполитические горизонты, упрочили свое место в международных связях. Таким образом, этот процесс, проходивший в духе полного равенства сторон и взаимного уважения, носил обоюдovýгодный характер. Нормализация оказала положительное воздействие и на развитие разносторонних контактов и дружбы непосредственно между народами СССР и стран Латинской Америки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Латинская Америка, 1991, № 6, с. 45—46.

² См.: Советско-мексиканские отношения (1917—1980). М., 1988; СССР — Уругвай: 60 лет дипломатических отношений. М., 1988; СССР — Колумбия. 50 лет установления дипломатических отношений. М., 1988 и др.

³ См.: Н.С.Áрдена. Historia de las relaciones entre México y Rusia. Mexico, 1994, p. 200—201.

⁴ El Nacional. México, 24.VI.1941.

⁵ Diario oficial. México, 28.V.1942.

⁶ Noticias de hoy. La Habana, 17.X.1942.

⁷ З.Шейнис. Максим Максимович Литвинов. М., 1989, с. 399—400.

⁸ Подробно об Уманском см.: А.И.Сизоненко. Дипломатические портреты. М., 2008.

⁹ Н.С.Áрдена. Op. cit., p. 203.

¹⁰ Archivo histórico de la Secretaría de relaciones exteriores. México, exp.27-10-135, f. 209.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 558, оп. 1, д. 350.

¹² Excélsior. México, 13.XI.1967.

¹³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941—1945 гг. Крымская конференция трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 4-11.II.1945. М., 1970, с. 147.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: В.П.Казakov. Россия — СССР в исторических судьбах Аргентины. — Латиноамериканский исторический альманах. М., 2009, № 9, с. 114.

¹⁶ J.D.Перóн. Obras completas, t. III. Buenos Aires, 1997, p. 1.

¹⁷ Дипломатический вестник. Год 1984. М., 1985, с. 313.